

EVIE DUNMORE

**BRINGING
DOWN THE
DUKE**

ЭВИ ДАНМОР

МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
ГЕРЦОГ

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д17

Evie Dunmore
BRINGING DOWN THE DUKE

Copyright © 2019 by Evie Dunmore
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form
This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin
Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Дизайн обложки и иллюстрации © Farjana Yasmin

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Инны Ермолиной*

Данмор, Эви.
Д17 Мой любимый герцог / Эви Данмор ; [перевод с английско-
го И. Ермолиной]. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-154229-0

Англия, 1879 год. Очаровательная Аннабель Арчер живет в доме кузена на положении прислуги и уже не верит в светлое будущее. Ее жизнь навсегда меняется, когда в Оксфорде открывается колледж для женщин.

Новые подруги посвящают Аннабель в движение суфражисток, и вот она уже спешит вручить информационную листовку незнакомцу. Высокомерный герцог Монтгомери находится по другую сторону баррикад, но после случайной встречи не может перестать думать о милом личике Аннабель.

Увы, высокое положение герцога не позволяет ему жениться на простолюдинке, как бы сильно он ни желал обладать прекрасной дамой.

Не слишком ли много преград на пути к счастью? Или любовь не знает преград? Это Аннабель и герцогу предстоит проверить.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-154229-0

© Ермолина И., перевод на русский
язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается Опе,
которая убедила меня,
что я могу справиться с чем угодно,
но не обязана терпеть все*

Глава 1

Кент, август 1879

— Ни в коем случае! Что за нелепые фантазии, Аннабель! Глаза Гилберта стали круглыми, как у зайца, которого вот-вот настигнут собаки.

Аннабель потупила взор. Опущенные ресницы придают кроткий вид, а кротость лучше всего успокаивала ее кузена, когда он сердился. Из всех типов мужчин, с которыми Аннабель умела управляться, «невежественный, но самодовольный» был не самым сложным. С другой стороны, не дай бог, если твоя собственная судьба оказывается в руках подобного человека. Здесь, в тесном маленьком кабинете, Гилберт не моргнув глазом отнимет у нее шанс, который выпадает лишь раз в жизни, и тут же уставится в витрину с бабочками, только что нанизанными на булавки.

— Никогда не знаешь, чего от тебя ожидать! Ну что еще придет тебе в голову? — возмущался кузен. — Поступить в цирк? Баллотироваться в парламент?

— Соглашусь, звучит несколько непривычно, — сказала Аннабель, — но...

— Забудь об Оксфорде! — рявкнул кузен, хлопнув ладонью по столу.

Старому письменному столу ее отца... По завещанию он отошел Гилберту, а не ей. Несмотря на следы времени, этот великолепный предмет мебели на четырех резных львиных лапах придал бы величия любому возвышающемуся над ним мужчине. Однако помочь кузену оказался не в силах: сидящий за столом Гилберт напоминал жалкого перепуганного цыпленка, попавшего в ловушку. Еще бы! Ну и задачку задала ему кузина! Анна-

бель тоже себе удивлялась. После пяти долгих лет, проведенных у Гилберта в роли домашней прислуги, она и сама не ожидала, что еще способна желать чего-либо столь страстно. Она трезво смотрела на вещи и не питала особых надежд на светлое будущее, все ее мысли и мечты давно уже не простирались далее границ прихода Чорливуд. Но внезапно новость о том, что при Оксфордском университете открылся женский колледж, поразила ее с силой стрелы, пронзившей сердце насквозь.

Сначала Аннабель гнала от себя мысли об учебе, но ровно через неделю ее самообладание, приобретенное с таким трудом, рухнуло. Ведь желание учиться не было пустой блажью. Сколько бы еще лет пришлось Аннабель провести в обветшавшем доме незадачливого Гилберта? Идти ей некуда, средств к существованию у нее нет. Не дай бог, кузен окончательно разорится, и значит, дальше — другой дом, где она вполне может стать легкой добычей распутного хозяина... Днем Аннабель как на автомате крутилась по хозяйству. Ночами же к ней приходило осознание своего положения: она все время ходит по краю пропасти, на дне которой ее поджидает старость в работном доме. И в своих кошмарах каждую ночь она срывалась и летела в эту бездну...

Пальцы нащупали тонкий конверт в кармане фартука. Письмо о ее зачислении в Оксфорд. Хорошее образование могло бы остановить падение.

— Разговор окончен, — сказал Гилберт.

Ее руки сжались в кулаки. *Спокойно. Сохраняй спокойствие.*

— Я вовсе не хотела ссориться с вами, — тихо сказала она. — Наоборот, думала, вы будете в восторге.

Вопиющая ложь, разумеется.

Гилберт нахмурился.

— В восторге? От чего это? — Гнев на его лице сменился чем-то вроде беспокойства. — Ты не заболела?

— Ну как же, учитывая, какие выгоды это сулит, я думала, вы будете только рады такой возможности.

— О каких выгодах речь?

— Прошу прощения, кузен. Я не вправе тратить ваше драгоценное время. — Аннабель попыталась встать.

— Не торопись, — сказал Гилберт, помахав рукой. — Присьдь, поговорим.

Она смотрела на него ясным спокойным взглядом.

— Я знаю, у вас большие планы на мальчиков, а гувернантка, получившая образование в Оксфорде, стала бы хорошим подспорьем.

— Действительно, у меня есть планы, и вполне разумные планы, — хмыкнул Гилберт, — но ты уже и так знаешь греческий и латынь в необходимых объемах, и уж конечно, даже больше, чем требуется женщине. К тому же чрезмерное образование разрушает женский мозг, так в чем же тут выгода для нас, а?

— Я могла бы устроиться на должность гувернантки или компаньонки в поместье.

Это был ее последний шанс — если упоминание барона Эшби, хозяина поместья на холме и владельца их прихода, не подействует на Гилберта, тогда уже ничто не поможет. Кузен буквально готов был целовать землю, по которой ступал сей знатный господин.

И действительно, Гилберт замер. Аннабель почти слышала, как заработал его мозг, медленно, со скрипом, будто старый точильный камень. *Старый*, потому что на новый у Гилберта не было денег. Он с трудом сводил концы с концами, что было неудивительно, поскольку размер его скромного жалованья за звон церковных колоколов не менялся годами, в то время как семья неуклонно росла.

— Ну... — сказал Гилберт, — это и в самом деле может принести неплохие доходы. Барон хорошо платит.

— Разумеется. Но ваши, кузен, опасения мне вполне понятны. Когда речь идет о соблюдении приличий, материальные расчеты отходят на второй план...

— Так-то оно так, но, если поразмыслить, твоя затея не выглядит столь уж неприличной. Тем более что она призвана служить высокой цели.

— О! — воскликнула Аннабель. — Разве я могу решиться на такой шаг теперь, когда вы открыли мне все изъяны моего замысла? Что станет с моим рассудком? Вдруг я сойду с ума?

— Ну-ну, не стоит преувеличивать, — ответил Гилберт. — Твоя голова наверняка вполне приучена к книгам. А вот без твоей помощи мы не сможем обойтись и неделю. Вместо тебя нам пришлось бы нанять помощниц. — Он устремил на нее тревож-

ный и хитрый взгляд. — Однако, как ты знаешь, нам это не по карману.

Какая досада, именно сейчас Гилберт вдруг задумался о семейном бюджете. И хотел, чтобы кузина компенсировала все расходы, которые повлечет ее отъезд, хотя она стоила ему... да ничего не стоила. Увы, назначенной Аннабель скромной стипендии едва хватило бы на еду и одежду.

Она подалась вперед в своем кресле.

— Какое жалование вы положили бы горничной, кузен?

Глаза Гилберта расширились от удивления, но он быстро пришел в себя.

Он скрестил руки на груди.

— Два фунта.

Аннабель удивленно выгнула бровь.

— Два фунта?!

На лице кузена застыло упрямое выражение.

— Ну да. Конечно, есть Бесс... Но ей никак не обойтись без помощницы.

Как же! Да он и не подумает никого нанимать! Но Аннабель удалось сдержаться и сказать ровным голосом:

— Тогда я буду посылать вам каждый месяц два фунта.

Гилберт нахмурился.

— И как же ты их добудешь?

— Да легко! — *Понятия не имею*, подумала она про себя. — Буду давать уроки, наберу побольше учеников.

— А-а, вот оно что.

Ни она, ни кузен не были уверены, что даже в поместье барона служанкам платят два фунта в месяц. Ей же удастся наскрести разве что два лишних шиллинга — и то чудом.

Аннабель встала и протянула руку через стол.

— Обещаю.

Гилберт опасливо уставился на руку, словно увидел щупальце неизвестного существа.

— Скажи мне, — сказал он, помедлив, — разве я могу быть уверен, что в колледже ты не наберешься всех этих оксфордских замашек и что в конце концов вернешься сюда?

Аннабель не знала, что ответить. Как странно. Она пыталась выманить разрешение у Гилберта с единственной целью — сохранить место в его доме, ведь женщине всегда нужен кров, ка-

ким бы он ни был. Но внутри нее все восстало, когда пришлось ответить.

— Куда же мне еще деваться? — спросила она.

Гилберт поджал губы. В раздумьях кузен рассеянно похлопывал себя по животу. С ответом он не спешил.

— Если ты удержишь платежи, — наконец произнес он, — я призову тебя обратно.

До нее медленно доходил смысл сказанного. Призвать обратно? Ведь это означает, что для начала ее придется отпустить. Кузен отпускал ее!

— Понимаю, — выдавила она.

Ее мозолистая ладонь едва ощущала прикосновение мягких холеных пальцев Гилберта. Внезапно перед глазами все поплыло, и Аннабель оперлась на стол, единственный твердый предмет, оказавшийся рядом.

— Тебе непременно потребуется компаньонка, — будто сквозь туман услышала она слова кузена.

У нее вырвался хриплый смешок, звук которого напугал даже ее саму.

— Зачем это? Мне уже двадцать пять.

— Хм, — сказал Гилберт. — Полагаю, получив университетское образование, ты окончательно потеряешь шанс вступить в брак.

— К счастью, у меня нет ни малейшего желания выходить замуж.

— Ну да, ну да, — пробурчал Гилберт.

Аннабель знала, что он не одобряет ее добровольного безбрачия, считая его противоестественным. Однако все выражаемые опасения по поводу затянувшегося девичества были не более чем данью приличиям, и он, вероятно, сам понимал их неискренность. Или, как все в Чорливоде, в чем-то ее подозревал...

Словно что-то вспомнив, кузен нахмурился.

— Есть еще кое-что, о чем я не могу не сказать, Аннабель.

Неприятные слова повисли в воздухе, как ястребы, готовые броситься на жертву. Пусть придирается! Аннабель была спокойна, ее руки покорно сложены и бестрепетны.

— Оксфорд, как известно, царство порока, — начал Гилберт, — гадючья яма, полная пьяниц и разврата. Если ты впутаешься во что-то неподобающее, если появится хоть тень сомне-

ния в твоей нравственности, как бы это ни было прискорбно, двери нашего дома навсегда закроются для тебя. Человек в моем положении, служитель англиканской церкви, должен держаться подальше от скандалов.

Он, без сомнения, имел в виду скандал, связанный с мужчиной. На этот счет он мог не беспокоиться. Однако он еще не все знал о ее стипендии. Гилберт, кажется, предполагал, что она предоставлена университетом. На самом же деле благодетелем Аннабель стало Национальное общество за избирательное право женщин, которое она теперь обязана поддерживать. В оправдание Аннабель общество в лице некой леди Люси Тедбери привлекло ее внимание лишь потому, что предлагало стипендии нуждающимся девушкам-студенткам, а вовсе не потому, что она интересовалась политикой. Однако можно с уверенностью утверждать, что в списке прегрешений по шкале Гилберта «борьба за избирательное право» будет немногим лучше «скандальной любовной интрижки».

— К счастью, провинциальная старая дева из сельской глуши надежно защищена от любых скандалов, — весело ответила Аннабель, — даже в Оксфорде.

Гилберт снова прищурился, и Аннабель напряглась под его внимательным взглядом. Неужели она перестаралась? Возможно, румянец юности у нее на щеках уже угас, а из-за постоянной работы в огороде на ветру, солнце, дожде вокруг глаз появилось несколько тонких морщинок. Но по утрам из зеркала на нее все еще смотрело лицо девушки лет двадцати с небольшим. Те же высокие скулы, тонкий нос и благодаря французскому происхождению рот, который всегда казался припухлым. Рот, от которого мужчины сходят с ума, по крайней мере, так ей говорили...

Аннабель язвительно скривила губы. Всякий раз, встречаясь со своим отражением, она видела лишь свои зеленые глаза. В них не было восторженного блеска юной дебютантки, а отсутствие наивности во взгляде защищало ее от интрижек гораздо лучше, чем несколько увядшая внешность. По правде говоря, меньше всего на свете ей хотелось снова попасть в неприятности из-за мужчины.

Глава 2

Вестминстер, октябрь

— А теперь, — сказала леди Люси, — повторю для новых членов нашего общества: есть три правила вручения листовки джентльмену. Первое: определите в толпе влиятельное лицо. Второе: подойдите к нему решительно, но с улыбкой. Третье: такие типы, разумеется, могут почувствовать ваш страх, но обычно они сами боятся вас еще больше.

— Прямо как собаки, — пробормотала Аннабель.

Острый взгляд серых глаз леди Люси переместился на нее.

— Именно так.

Да у нее, оказывается, отменный слух, надо иметь в виду на будущее.

Аннабель поглубже укуталась в шаль, стянув ее на груди замершими пальцами. Грубая шерсть не спасала от холодного лондонского тумана, плывущего над Парламентской площадью, и уж совсем не защищала от колких взглядов прохожих. Парламентский сезон еще не наступил, но в районе Вестминстера всегда можно было встретить достаточно джентльменов, принимающих законы, по которым потом жила вся страна. При мысли о том, что придется подойти к одному из столь важных лиц, внутри у Аннабель все сжалось. Приличной женщине не полагалось заговаривать с незнакомцем на улице, и уж тем более размахивая листовками, на которых крупными буквами напечатано: «Закон о собственности замужних женщин превращает в рабынь всех жен!»

В этом утверждении была немалая доля правды — по Закону о собственности любая из женщин, какой бы богатой она ни была, теряла все свое имущество в день свадьбы. И все же под

неодобрительными взглядами, которые бросали прохожие на их небольшую группку, Аннабель хотелось упрятать брошюры поглубже в складки одежды. Но она тут же оставила попытки, переключив внимание на леди Люси, секретаря Национального общества за избирательное право женщин, которая уже открыла рот, собираясь произнести вдохновенную речь.

У их предводительницы был обманчивый вид — она казалась эфирным созданием, изящным, как фарфоровая кукла, с идеально причесанными гладкими светлыми волосами и нежным лицом в форме сердечка, но, когда она наставляла своих последовательниц, голос ее разносился по всей площади, напоминая звук берегового маяка.

Что же привело сюда всех этих девушек? Они жались друг к другу, как овцы в бурю, явно чувствуя себя не в своей тарелке, и Аннабель готова была поспорить на свою шаль, что никто из них никоим образом не зависит от комитета по стипендиям. Рядом с ней стояла скромная, ничем не примечательная рыжеволосая девушка с круглыми карими глазами и вздернутым, порозовевшим от холода носом. Однако оксфордская молва утверждала, что эта молодая женщина — мисс Хэрриет Гринфилд, дочь самого могущественного банковского магната Британии. Всесильный Джулиан Гринфилд, вероятно, и понятия не имел, что его дочь борется за права женщин. Гилберта наверняка хватил бы удар, прознай он, чем они тут занимаются.

Мисс Гринфилд держала свои листовки с опаской, как будто они могли ее укусить.

— Определи, подойди, улыбнись, — бормотала она. — Не так уж и сложно.

Да нет, задачка не из простых. Каждый из проходящих мужчин с высоко поднятыми воротниками и низко надвинутыми цилиндрами казался неприступной крепостью.

Девушка повернулась к Аннабель, и их взгляды встретились. Лучше всего сердечно улыбнуться и отвести глаза.

— Вы ведь мисс Арчер, не так ли? Та самая студентка, получающая стипендию? — Мисс Гринфилд смотрела на нее, кутаясь в пурпурный меховой палантин.

Ну разумеется. Людская молва в Оксфорде работала в обоих направлениях.

— Именно так, мисс, — ответила Аннабель.

Интересно, чего же больше в ее вопросе — жалости или насмешки? Оказалось, ни того ни другого. Глаза мисс Гринфилд светились любопытством.

— О, вы, наверно, ужасно умная, раз вам дали стипендию.

— Спасибо, — медленно произнесла Аннабель. — Скорее довольно образованная.

Мисс Гринфилд хихикнула, очень по-детски.

— А я Хэрриет Гринфилд, — представилась она и протянула руку в перчатке. — Вы ведь впервые на собрании?

Леди Люси была так поглощена своей собственной речью о справедливости и Джоне Стюарте Милле¹, что не замечала беседы девушек.

Тем не менее Аннабель понизила голос до шепота.

— Да, впервые.

— Вот здорово, я тоже, — ответила мисс Гринфилд. — Надеюсь, я не ошиблась с выбором. Ведь найти для себя достойное занятие, да еще чтобы оно пришлось по душе, так трудно, не правда ли?

Аннабель нахмурилась.

— Достойное занятие?

— Разве вы не считаете, что у каждого должно быть достойное занятие? Я хотела вступить в Женский комитет по тюремной реформе, но мама не позволила. Тогда я подалась в Королевское общество садоводства, однако это решение было ошибкой.

— Печально.

— Что поделаешь, процесс поиска. — Мисс Гринфилд была невозмутима. — А теперь я чувствую, что права женщин — вполне достойное занятие, хотя, должна сказать, что сама идея подойти к джентльмену и...

— Какие-то проблемы, мисс Гринфилд?

Вопрос прозвучал как выстрел, заставив обеих девушек вздрогнуть, приведя в замешательство. Леди Люси пристально смотрела на них, уперев маленький кулачок в бедро.

---

¹ Джон Стюарт Милль (1806—1873) — британский философ, социолог, экономист и политический деятель. В течение ряда лет являлся членом Британского парламента. Был членом Либеральной партии, а также вторым членом парламента, который в 1832 году призывал дать избирательные права женщинам. (*Здесь и далее прим. перев.*)